В марте этого года в Симферополе по благословению святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия 11 состоялась Международная духовно-научная конференция в честь 10-летия прославления святителя Луки (Войно-Ясенецкого), посвященная труду святителя «Наука и религия». С докладом на ней — о жизни и деяниях этого выдающегося человека минувшего века — выступил архиепископ Красноярский и Енисейский Антоний.

Принимая во внимание тот разговор, который мы ведем сейчас относительно присвоения нашему вузу имени святого Луки, а также желая ознакомить студентов и преподавателей академии с фактами жизни этого замечательного человека, мы и публикуем этот доклад.

Архиепископ Красноярский и Енисейский АНТОНИЙ:

«Подвиг святого целителя»

Общеизвестно, что никакая модель — ни политическая, ни экономическая — без возрождения духовности работать не будет. Мне представляется, что именно по этому поводу собрал нас святой архиепископ и хирург Лука (Войно-Ясенецкий). Архиепископ Лука — это личность в самом высоком смысле этого слова, потому что он не просто сочетал в себе всегда гармоничное целое в понятии духа и материи человеческой субстанции, но наперекор всем стихиям своего не адекватного Правде Божией времени стоял насмерть за право этой Правде — быть! Будучи хирургом — от Бога — он устоял в тогдашнем соблазне, погубившем многих и многих отречением от Творца и Бога в приписывании научных достижений разума субстанции лишь материальной.

В страшные годы этого материалистического умопомрачения, естественным следствием которого стали ужасающе-карательные меры против инакомыслящих, он — молодой и уже профессор, выдающийся учёный-хирург при блестящей перспективе раскрытия своего целительского дара — принимает священство, не прячась при этом, а *читая лекции и посещая* больных в своём, уже духовном одеянии.

В годы расстрелов и репрессий, нацеленных на идеологических противников в рясах — в первую очередь, он становится в ряд преследуемых, обрекая себя в этом качестве фактически на всю свою исповедническую воистину жизнь! Этот исповеднический путь его во имя торжества веры в сердцах всех его, так или иначе, тогда окружавших поражал, удивлял, заставляя задумываться самых закоренелых атеистов. Машина репрессий, запущенная на уничтожение цвета российской интеллигенции, пока щадит профессора в рясе. По инициативе и длительными трудами о. Валентина Войно-Ясенецкого открывается Ташкентский университет, но одновременно с этим паства ташкентская проповеднической деятельностью его освобождается от «волков в овечьей шкуре», т. наз. живоцерковников, искусственно «внедряемых» в тело Церкви безбожной властью. Такая деятельность, конечно же, этой власти не нравилась. Став епископом Ташкентским, св. Лука тут же становится опальным и подвергается аресту. Далее — беспрестанные аресты, ссылки, тюрьмы... И здесь, наверное, можно с уверенностью сказать, что и это было не без промысла Божия. Видимо, этот бесстрашный адамант веры, чудом много раз остававшийся в живых, везде и в заключении возвращая к жизни самых и безнадежных порой пациентов, был всё-таки сохранен за ради не только его врачебного искусства телесного, но за ради и врачевания духовного, всегда имевшего место. Бесстрашно и ничего не боясь, он обличал в неверии и своих коллег по медицине, легко разбивая в пух и прах их однобокий материализм в диспутах, и коммунистов, во власти бывших, их оперируя, и сокамерников, когда был в тюрьмах, и среди своих пациентов как гражданских, так и военных.

В своем дневнике святитель Лука напишет: «Очень многие говорят и пишут, что я оживил их духовно, возродил к новой жизни, и в самых трогательных выражениях изливают свою благодарность и любовь. Они пишут, что, как ни высока моя медицинская деятельность, но архиерейская неизмеримо важнее. Я и сам так думаю» (Журнал Московской патриархии. 1948, №6. С.8).

Везде, где бы ни побывал архиепископ и хирург Лука, — повсюду он уделял всяческое внимание просветительской деятельности как научно-медицинской, так и духовно-практической, неся повсюду свет Православия, настаивая на открытии храмов, а где их *не было — в местах весьма* отдаленных — служил, крестил, вразумлял и воцерковлял людей. В каждом человеке заложен генетический фонд, в том числе — и духовное православное начало, порой совершенно, на первый взгляд, исчезнувшее, изглаженное годами гонений за веру, но так только кажется. Владыка Лука всегда напоминал о стучащемся в сердце каждого человека Самом Христе-Спасителе и о беде тех, кто этому стуку не внимает, о душе своей вечной не думает, обрекая себя на дальнейшее отчуждение от благ вечных и ввергая душу бессмертную в пропасть вечного ада. Тысячи людей, встретившиеся на пути владыки, были вразумлены им и обрели дар слышать зов Христа, внимать Ему, став на спасительную стезю Православия. В памяти многих сибиряков в местах ссылок владыки в Красноярский край запечатлелся его святой образ целителя, в первую очередь — целителя духовного.

Вот неполный перечень мест ссылок владыки в сибирском регионе: Красноярск, Енисейск, Хая, Туруханск, ссылка на Ледовитый океан — станок Плахино, с. Большая Мурта и другие, имевшие место. И везде — молитва, забота об открытии храма, проповедь против сектантства — целительство духовное и телесное.

Старейшая жительница Большой Мурты Валентина Монина, заботящаяся сейчас о строительстве храма в честь св. Луки в этом селе, где был в ссылке святитель, вспоминает: «Шестьдесят лет назад здесь не смели даже упомянуть Бога... Все, кроме ссыльного хирурга Войно-Ясенецкого... В нашу больницу ехали из всех окрестных деревень, — рассказывает Валентина Григорьевна. — Тогда редко в какой деревне был фельдшерский пункт, всех направляли в Мурту. На прием к Войно-Ясенецкому каждый день выстраивалась огромная очередь. Я готовила Валентину Феликсовичу все, что нужно для приема больных: простыни, кипяченую воду; и по одному вызывала пациентов. Вместе с ним мы принимали детей с трахомой (заболевание глаз, которое нередко приводило к слепоте). Ребенка приносили, я держала его ножки и ручки, а профессор пинцетом удалял трахому. Из глаза кровь шла, он его водичкой промоет, тампончики наложит. Много кому так зрение спас... В операционной Войно-Ясенецкий казался медсестрам настоящим Богом. Оперировал широко: на костях, на глазах, в брюшной полости, убирал у детей гланды и лечил женские недомогания. Талантливый врач, Войно-Ясенецкий не терпел равнодушия к врачебному долгу. Докторов часто ругал: «Вы, врачи зеленые! Сколько из-за вас поумирало людей!»

Жил Войно-Ясенецкий, вспоминает Валентина Григорьевна, очень скромно, во флигеле при больнице. Зарплаты ссыльному доктору не платили, выдавали только одежду и питание. Когда медсестры готовили врачу еду, каждый раз — не меньше трех блюд, Войно-Ясенецкий всегда выбирал что-то одно, ел очень мало...

Глубочайшая вера ссыльного в Бога, отказаться от которой его не могли заставить никакие лишения, поражала врачей.

Перед операцией, вспоминает Валентина Григорьевна, Войно-Ясенецкий наставлял пациента: «Если веруешь, молись. Все возможно верующему. Молись — и будешь жив».

Валентина Монина стала свидетельницей единственного случая, когда глубоко верующий хирург отказался оперировать пациента-«нехристя».

— Приходит однажды мужчина на прием, — рассказывает Валентина Монина. — С забинтованным глазом, открывает дверь без спроса, без вызова. И с порога говорит: «Я ломал церковь в Шиле, мне в глаз попала стружка».

Валентин Феликсович не расслышал сначала, что он сказал, переспросил: «Что-что?» Я-то уже знала, что он — глубоко верующий человек, пациента локтем толкаю: «Молчи!» Он не понял и повторил: «Да ломал церковь, попала стружка!». «А! — воскликнул Валентин Феликсович. — Ну, тебя Бог наказал, я тебя лечить не буду!» Как сказал, так и сделал.

Мне страшно стало: тогда с религией строго было. Арестовать за такие слова могли запросто. А он ничего не боялся. Он о Боге говорил открыто.

На крыльцо, бывало, выйдет, мы, медсестры, сядем, как на собрании. Я уж многого не помню, но он говорил главное: «Куда меня ни сошлют — везде Бог».

Это были не просто слова. Иногда мы видели подтверждение тому, что слышали от профессора.

Так, он каждый день молился на пеньке в расположенном рядом с больницей скверике. Местные мальчишки частенько мусорили там, оскверняли это место. И однажды один из этих мальчишек, сын фельдшера Миша Бельмач, сильно заболел.

Мы видели, как Миша лежал на крыше своего дома, расположенного напротив нашей больницы, и не шевелился. Все у него признавали туберкулез позвоночника.

Каким-то чудом, так же внезапно, как и заболел, он поправился. Я знаю, что Миша никогда больше не ходил осквернять тот садик...

Валентина Монина тоже благодарна святому доктору за исцеление. Если бы не профессор, молодая медсестра могла ослепнуть.

— У меня глаза часто болели из-за перенесенной в детстве золотухи, — говорит Валентина Монина. — В 41-м воспалительный процесс пошел. Особенно летом на солнце у меня воспалялись, болели глаза, я стала плохо видеть. Войно-Ясенецкий заметил это и сказал: «Я тебя вылечу». Каждый день заводил в темную комнату и промывал глаза, мази накладывал. Я спрашивала: «Валентин Феликсович, а что у меня? Трахома или что другое?». Он отвечал строго: «Не твое дело знать». Я другой раз забуду про процедуры, он зовет: «Валя! Иди сюда». Только благодаря ему я зрение не потеряла. До сих пор, мне 85 лет, слава Богу, на глаза не жалуюсь...

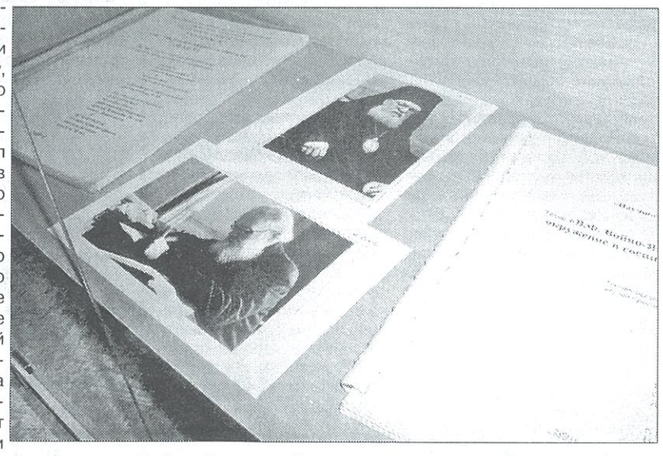
— Если бы вернуть то время, — признается Валентина Монина, — о многом поговорила бы со святым Лукой. Сейчас не те верующие, что раньше. Чуть что — от Бога отказываются, соблазняются, и сомневаются, истины не знают. А он был тверд. Все законы православные исполнял. К Богу дорога у него была твердая...

Во время войны чем было далее от линии фронта на восток, тем труднее открывались тогда в Сибири храмы. Именно стараниями и авторитетом владыки-хирурга, профессора и уже доктора медицины (в ссылке) действовал единственный храм в районе Николаевки в Красноярске, куда владыка Лука, назначенный на эту кафедру, добирался на богослужение в полтора часа пешим ходом. На годы Великой Отечественной войны выпадает третья по счёту ссылка архиепископа с 1941 по 1944 годы. Сначала за ревностную проповедь Христа его хотели расстрелять, но Сталин пощадил будущего своего знаменитейшего лауреата, написав на реляции: «Таких людей... нельзя уничтожать, нам религия сейчас помогает». В эвакогоспитале №1515, располагавшемся во время войны в школе №10 в Красноярске, не было более беспечного в заботе о себе человека, чем он, главный хирург, почти не смыкавший глаз от постоянных операций, и он же — архиепископ, порой остававшийся и без тарелки супа. В настоящее время школа №10 располагает музеем знаменитого архиепископа и хирурга Войно-Ясенецкого, а неподалёку, в сквере архиерейского дома, установлен величественный памятник святителю по проекту известного скульптора Бориса Мусата.

Последний, кстати, благодаря изучению жизнедеятельности архиепископа Луки в процессе работы над скульптурой принял сознательно св. крещение.

Хочу отметить, что незаурядная личность святителя оставила глубокий след у всех красноярцев, кому доводилось общаться с ним. Новое поколение со слов очевидцев святого Луки тщательно сохраняет в памяти рассказы о нем. Августа Ивановна Кашаева, работавшая вместе с легендарным архиепископом и уже ушедшая из жизни, рассказывала следующее:

«Сейчас трудно представить, сколько моральных и физических сил потребовалось людям, чтобы в течение нескольких месяцев госпитали, размещенные в неприспособленных помещениях (чаще всего это были школы), начали функционировать. Госпитали были переполнены. Рабочий день длился двенадцать и более часов. Как была построена работа госпиталя? Рабочий день начинался в 9-00. Я заводила дочь в садик и шла на работу. К пяти часам вечера я могла принять дежурство. За дочерью шел кто-нибудь другой. На следующий день я на пятиминутке сдавала дежурство — и снова рабочий день. В госпиталях не хватало квалифицированных врачебных кадров. Проблема кадров решалась за счет врачей, эвакуированных с Запада.



НА СНИМКАХ: 1. Цветы для святого Луки. 2. В школьном музее.
Фото Олега ДЕРМЕНЖИ и Андрея БАРДАКОВА.

(Продолжение следует).